

Ильин день

Не увидали, как август подскочил. Опеть при́пас начинатца, рыжики с груздями да ягоды. Черёмуху надо бы поглядеть. А погодка стояла—ясно да жарко. Заехали в ко́лок, а её—черным-черно! Хватились—змея дала, мы с чево без посудыны-то поехали? Да нашарили в багажнике кошель, слава Бох. Черёмушка-то самай раз поспела, сладка. А руками ишшо не да́витца, собирать ловко.

Кошель-то хоть и большуший, а двоём живо насбирали.

Сам-от взялся меня сомушшáть:

— Давай на́ берег заедем, искупнёмся. Стыд: на реке живём, а за всё лето но́ги не замочили.

— Так-ту чё не искупнутца?.. Гли-ка, а сёдни како число-то?

— Однако, второ ли, чё ли... Я в отпуску-то в численник не заглядываю. А тебе не всё равно, второво ли третьево купатца?

— Да так... счас на ум па́ло: второво-то Ильин день. Большой праздник. Старухи говаривали: мол, с Ильина дня купатца большой грех.

— Ну и сказанула! И чё, купатца не будем? Жа-ришша стоит... Ты навроде нормальна, а как ска-занёшь—хоть стой, хоть падай!

— Чё я сказанула? Вот не веришь, дак послушай. Как счас помню...

Мы вить на реке-то, шштай што, жили. По всему лету из воды не вылезали. Вся челядь там. Кто в воде плёшшетца, хто накупался—на ка́мёнях отогреётца... Ну дак вот. Я, однако, классе в треттем-четвёртом училась... Эдак же было, второ августа. Собрались с девками под угор бежать. Баушка никак не отпускает: дескать, заморочáло, дожжик направлятца. А нам чё? В дожжик-от вода ишшо тепле кажетца. А она своё ведёт:

— Я кому говорю, не пойдёшь! Не знашь, какой сёдни день?

Я тоже не молчу:

— Нету никакого Ильи! Мы же, к твоёму сведенью, пионерки! И нам в школе хорошо распатрóшили: всё это сказки!

А баба никак не отступатца:

— Стары люди здря не скажут. Илья-то сёдни льдинку в Ангару опустил.

— Подумашь, одна льдинка!..

— А само-то главно, хто в Ильин день купатца будет, тово чёрт за ноги ко дну ута́шшит. Вот вить чё!

Да нас хто отговорит? Убежали на верхный край, к большому магазину, спустились на́ берег по сельповскому звозу. Там же нашли подходяшше бревёшко, оседлали ево да и поплыли нанíz—то на бревне, то рядом с ним. Думали до сельсоветского звозу доплыть-то, да на нижнем краю самоходку увидали. Почево, а само главно, к кому пристали? Там и пристани-то нету. Эвон как далёко от берегу стоит—видать, на якоре. Поплыли к ней.

И ветру-то шибко не было... Не знаю уж, чем наше бревно подхватило? Глядим—относит нас в реку. Ума-то нету! Нет бы бросить его да поворачивать на́ берег... Опомнитца не успели, а нас на самоходку повернуло. Тут уж мы с ума сошли, оттолкнулись от бревна да давай сами подгребатца к ней. Рады бы к берегу, да далековато, силёнок не хватит.

На самоходке-то никово не видать, давай мы ручонками имáтца хто за што... Меня нанесло на цепь я́корну, схватилась за неё без памяти. Валькя, гляжу, на спасательном кругу виситца. А повыше поднятца не может—ножонки-то подмыват, утягиват книзу. Двое девок, постарше нас, сзаде булькаютца. А Наташка почево-то кругом поплыла—видать, на другу сторону... Думаю, с этой стороны не нашла за што схватитца. Или уж теченьем её пронесло... Чё боле-то? Она вить воды-то на злу голову боитца, сама бы не поплыла ни за каки деньги... Вай, желта в рот, она ково делат? Не успела из виду скрытца, заныряла! Раз с головой ушла, два... Глядим, нигде её не стало... И всё молчком, это вить не с добра. Вай, ково делать-ту? По берегу ни души не видать: вся деревня вымерла ли, ково ли? Давай мы реветь во всю голову.

А в самоходке-то люди оказались. Кака-то баба выскочила, не растерялась, нырнула.

Тут ишшо два мужика тоже бросились пособлять. У меня пальцы какэсь свело судорогой, кое-как от цепи-то оторвали. Другой опеть Валькю с кругу снял, да насдавали нам по мягкому месту, штоб лешак не водил куды не следует.

Повариха-то после сказывала: мол, была бы ва-ша девка обстрижена, дак не нашла бы её. А у этой

коса-то долгу́шша, да в воде расплелась. Так за́ волосы и выташшила. Ишшо бы маленько, под днишше затынуло бы Наташку нашу. Она уж не здышала, синеть начала... Дак баба-то грамотна оказалась, всё сделала куды с добром!

Видать, шибко же мы испужались... Убей—не помню: кто откачал? Как нас на́ берег переправили? Почево в избе у Хомаек очутились?

Кто-то, видать, по тётю Марусю на свинарник сбегал... Как счас вижу: Наташка ишшо в себя добром не пришла, лежит на койке, а мать сидит у ней в ногах—краше в гроб кладут. Дак как? Она, Наташка-то, у матери одна порошшина, никово боле нету...

Тётка Маруся-то шибко боялась: мол, отойдёт, дак хоть бы всё ладны было, испуг-то тебе не шутки... Она и вправду долго боялась одна в избе оставатца. Сколь раз родимчик хватал. Ну што ты! Вот бытто всё ничё, сидит ли стоит. Потом падат, губёнки посинеют, какэсь заумира́т. А отойдёт—ничё не помнит. Уж и так девка-то от Христа была, нигде воды не замутит, а тут и овсе задумыватца стала. Моя-то баба долго ходила к ним, от испугу лечила.

Вот мы выросли. Из Дворца разъехались. У нас с Наташей уж по ребёнку было, одногодки. Угадали мы с ней в одно время на Дворец приехать. Как раз на Троицу. Заходит она ко мне, а я ребячье выполоскала да разवेशиваю в ограде. Ругать меня она не ругала, но всё же не утерпела:

—Здря ты сёдни грязну́-то работу делаешь. Я уж давно по большим праздникам не стираюся.

Я издива вышла!

—Ты чё,—грю,—не одичала ли? Ты вить учительша. Физике челядят учишь. Спомли, как старух-то в концертах продёргивали?!

—Дак дураки были. Счас-то я вить не за себя боюся. Представляшь, я делаю чё-то неладно, а это не на меня повлияет, а на ребёнка...

—А моя баба говорит: Бох толька лентяев не любит, а работать не грех.

—Ну не знаю... Никто вить не проверял, есть там кто-то или никово нету. А стары люди говорят: бережёново Бох берегёт.

Годов пролетело полно́. Вся жись. Так до сих пор и не знаю: есть там кто, или никово нету? Самой проверять неохота. А ну как на внучатах отразитца?

Боязно...

Уж эти свекрови...

—Шура! Обожди, догнать тебя не могу. Чё-то всё мимо бегашь—ни здорово, ни прошшай?

—Дак глаза худо видят—может, ковды и не признала сьздале...

—Я уж думала, обидела тебя чем. Так-то мы вить с твоей магушкой как-никак родня, кумовья были. Покойница, бывало, редкий праздник не зайдёт опроведать.

—Вай, Наталя, дак я не нарачи́, ей-бох, без обиды. —Правду ли, нет ба́ют: Захарка-то у тебя опять женился? Недолго гарцевал. Откуль бабочку-то привёз? Пошто не расскажешь, как но́ва-то неска?

—Не скажу, зарок дала матом не ругатца.

—Дак чё, совсем худо дело? Спит долго? Или чем не угодила тебе?

—Вай, дак кабы спала, это бы ишшо чёрт с ним. Эта сама не спит и Захарке не даёт! Вить людям стыдно сказать... Гли-ка, день и ночь сидит с тилифоном да с паперёсой. А от паперёсы дым-то до чево едучай, все занавески пропитались! Ково толька в нёх ло́жат—не знаю! Потом тилифон бросат и берётца за кампютор ли, хто ли он... Нагото́во окружала. Я дак издива выхожу́: как она ишшо пальцы не смузóлила? Терплю-терплю да всё же подскажу, штоб перстятки надевала.

—А ей куды пальцы-то берегчи? Ей вить не корову доить... Куды с добром на готовеньком пожива́т. Чё не играть—свекровка-то всё сделает, дивья́!

—Вай, дак она вить по всему дню играт да жа́бат, играт да жа́бат! И куды в неё вохо́дит?! Ишь как раздобрела—в кожу не помешша́тца! И што за бабы пошли? Лишь бы ей хорошо было, а мужик хоть пропадай! Слышь, а ты-то почём знашь? Неуж по деревне разговоры пошли? Вай, стыдóвишша, хоть на улицу не выходи!!!

—Как почём знаю? Я-то ишшо не ослепла. Вижу: три раз на́ день, как по расписанью, бегашь с сумками через дорогу. К кому ишшо побежишь? Чё-то как с Настей жил парень-то, ты не шибко к ним таскалась. Настя и работала, и скотинку держала. Управлялись без тебя. В избе чистота, каждую суботу все верёвки стиранным завешены. Дак ишшо и настряпат. Оне с Захаром наедятца и про вас не забудут. А про саму́ и говорит нечево, в ночь-полночь она как картинка, любо-дорого глядеть. За што бытто ты её незлюбила, дура ты старая? —Как за што? Она вить день и ночь в работе. Из школы вечно последня уходила, дак ей ишшо мало—на́ дом ученики валом валят, наипаче которы в город собрались ехать учитца. А с двоешниками дак, не поверишь, за́даром вечера просиживала, ништо не платил ни копейки. Захарка с работы придёт, поить сам себе подогреёт. То как-то гляжу, он и посудёнку после себя ополаскиват. Ну-ка, это чё—порядок? Я Насте-то раз сказала, два сказала... Она посмеиватца. Дескать, рóдим наследника, хто мне пособлять будет? Пускай привыкат.

—Дак это разве худо? Готово-то дивья́ подогреть...

—Я вить не говорю, што худо... А знашь чё? Счас думаю: это вить я ревновала ево, ей-бох, ревновала. Он хоть и один когда к нам забежит, всё Настю свою с языка не спускает... Захар карахтером пушше в меня, чем в отца. Другой раз чё-нить скажу ему, наипаче поху́лю Настасью—он из себя выходит. Или чё-нить заставляю у них в избе переменить,

дак он ерепенитца. С ней-то, гляжу,—как шёлковый! А мне до слёз обидно... Думаю, ишшо маленькя меня ни во што ставить не будет... Правду баёшь, ума-то нету.

— Ну-ка, спомни, как сама молода-то хвасталась в конторе: мол, прихожу с работы, а мужик уж поисть направил. Да всё вить он пособлял и тебя слушался, старик-от. Сам не стыдился никакой работы и Захарку приучил. Он видит, што Настя-то место под собой не подогреёт... Девка-то Христова, работяшша. Немного таких нонче. А старик-от ково про нову невеску говорит? Глянетца она ему? — Старик-от? Штоб ему пусто было! Он туды и не кажетца. Говорю, сходи, постыди её. Можеть, она хоть тебя послушатца. Ну-ка, это вить кому скажи—не поверят. Вот прихожу я с продохтами, она сумку-то хватат да тут же на диване исть начинат, как всё равно век не едала. Я сперва терпела, а потом грю: ты пошто за стол-от не сядешь? Диван-от новай, ишшо году нету. Долго ли пролить на нево ково-нить? Сжабашь диван, не подавишься. Дак она окрысилась: иди, грит, домой и об своём диване думай, нечево в нашу жисть лезти.

— Старику-то рассказывала, как она тебя отчитала?

— А тот чё? Не идёт. Хотела, мол, нову невеску—терпи. И весь разговор.

— Да, девка... Я-то думала, раз уж ты так лебезишь перед ней, дак Захар принцессу привёз...

— Дак залебезишь... Я вить думала, раз она жабат с телефоном, дак ей хоть ково дай, всё съест. Третьёводни взяла да притащила вчерашний суп. Чё продохту пропадать? Он не кислый, ничё... мы и сами им отобедали. Дак она живо грит: не для тово меня мама рожала, штоб ваши объедки доедат!

— А ты Захару рассказала?

— Дак как! А он мне грит: Настя тебе худá была? Худа! Привыкай к этой. Я из-за тебя не собираюсь каждый месяц баб менять. Дак я слезами умылась... Дожила, сколь бáско ли мамке на старости лет отвечать научился!

— Как ни крути, парень правду сказал...

— Тебе легко говорить... Мы-то со стариком внучат не чаяли дождать. А им нековды. То оне зарабатывают на машину, то на небеля да на ковры...

— Шурка, Шурка... Как была круговá, так и осталась. Головой думать надо было. Оне, должно быть, старалися обеспечить себя, докуль ребя-тёнка нету. На одну-то зарплату много ли потом наберёшь? Оне обои не таки, штоб с вас тянуть, на себя надеются. А раз всё набрали, стало быть, скоро и до челядят дело бы дошло...

— Вай, мольчи лучше! Сама не рада. А от этой, от новой-ту, ково дождёшь? Думай-ка, с молодых годов спят наразно.

— Свят дух Воспóдний! Не успели сойтись, а спят—наразно? Ты неуж правду говоришь?

— Вай, молчи лучше, без тебя тошно. Я с чево врать-то буду, правды не пересказать? Дак говорю тебе, она сама хуже ребёнка—круглыми сутками играт. Захар-то дождатца не может, когда она наигратца, да идёт один в холодну постёлю. Ему вить на работу ставать. Не знаю, на сколь у меня терпения хватит. Не парень бы, дак сама знашь, сколь бы она у меня пирогов съела. Захарку жалко... Он вить за эти полгода отошшáл, все штаны спадывают. Было бы их у меня полно, дак ишшо бы ничё... а то вить один свет в окошке. Всё сердце выболело. Погляжу на ихну жизнь—слезами обольюсь. Всё думаю, он вить у нас не дурак. А потом вспомню, каку невеску нам привёз, сразу задумаюсь: где только у него ум-то был?

— А я тебе говорила, одно дитё—не дитё! Не дай Бох случись чё с Захаром—и всё! Чё делать будешь?! Наши баушки-дедушки не дурней нас были. У них вить запасной челяди по пять-шесть штук было.

— Штоб я ишшо хоть раз с советами к нему полезла—ни за што! Только бы выдюжить. Вить как он не хотел расходитца, я вынудила. Вай, девка, оговорила Настю-то, нагородила всяково про неё. Стыдно в глаза глядеть будет... Я места себе не нахожу, вся испереживалась.

— Мне-то чё рассказывашь? Ишшо не родился такой мужик, который тебя переспорит. Упрёшься, дак мало не покажетца...

— Мольчи лучше, наградил Бох карахтером. Сама и страдаю от нево пúшше-то. Гли-ка, ты вить с Настей-ту дружно жила. Она тебе, случайно, не сказывала, куды ей написать?

— Нет, Шура, она с меня слово взяла. Уж ей ли не знать, што попалась не свекровка, а танк неизвестной марки? Ну дак и она... уж еслив обидитца, дак может и не простить. А ты её крепко обидела, я бы не простила. Хотела другу невеску—вот и живи, радуйся, што по-твоёму вышло.

— Бох меня и так уж наказал... Ради Христа, дай адрес. Сама к ней поеду—упаду в ноги, только пускай ворóтитца!

— Я тебя не первый год знаю. Сёдни тебе Настю надо, завтре кака-нить фершалица приедет—ты её захошь. Она тебе не игрушка. Даже и не мечтай, ничё не скажу. Старику-то с молодых годов надо было тебя уму-разуму учить, да не как-нить, а по старинке. А счас тебя уж не переделать. Тебе вить надо, штоб у тебя все по струнке ходили. И лучше, штоб строем.

— Вай, знашь, сколь я передумала за эти полгода. Вот ей-Бох, ворóтитца к Захару—я ей буду ноги мыть и воду пить. Вот клянусь Пречистой Матерью и Христом Спасителем! Еслив вру—провалитца мне на этом месте!

— Вот тебя припекло дак припекло. Пожалуй што, поверю. До меня доведись, я нонешну-то невеску на другой бы день попёрла из избы. Ладно, пошли

ко мне, расскажу, где искать. А ты побожись, што сперва спровадишь из деревни эту лахудру, штоб духу её не было тут, а потом поедешь к Насте.

— Чё уж ты эдак-то? Я вить не дурная тебя.

Неделя прошла в заботах.

Часа в четыре, ишло не рассветало, хто-то в ворота взялся торкатца. Какá змея не спит? Наталья окинулась полушалком, вышла на улицу:

— Я пошто не догадалася, добры-то люди в это время не бегают по гостям. Кто у тебя опеть стряслося?

— Вай, Таля, я не вытерпела. Мы вить счас приехали домой-то. Чё-то жеребец захромал—думала, не доедем! По гроб жизни я тебе обязана, што наставила меня на путь. Завтре всё расскажу, как съездили. Счас только само главное! Настя-то от нас уезжала—никому не сказала, што тяжела была. Дак на той неделе родила двойняшек, парнишка и девчонка! Завтре выписывают из роддома!!! А, не дай Бох, Настя лишилася бы дитя-то?! Или назло не пустила нас к ним? Всю бы жисть я себе локти кусала. Как здумаю обо всём—волосы на голове шевелятца! Нисколь не вру!

— Тьфу-тьфу на тебя, плюнь через левое плечо! Да, паря, наделала ты делов...

— Натальюшка, спасибо тебе! Побегу Захарку подымать, пускай собирацца да едет встречать. Всё ладно, дак к нам сразу и привезёт. А мне стряпатца нады да у нево там прибратца. После этой лахудры-то я уж два раз всё перемыла, а дымом нет-нет да опахнёт... Ну-ка, ишло бы маленькя—и не видать бы нам внучат. Всё же Настасья уж така молодчина, нахвалитца не могу! От такой девки в своём уме никто не откажетца. Ну што ты! Вот невеска дак невеска—за один заход двоих принесла! Даст Бох—не последних.

Смех и грех

Изба. За столом сидят Маня и гостья, соседка Серафима. Разговаривают. Маня шмыгат носом, а Сима уговариват:

— Ну и чё, долго сидеть собралась? Ково плачешь-то? Уймись счас же, то скоро челядята прибегут. Иди умойся да обед направляй.

Тут Маня запричитала:

— Дак как не заревёшь с такой жистью? Коля-то вечёр чумадан склал. Я, грит, лучче к тётке Симе обратно ийду жить, чем с тобой позоритца. Это как у него язык-то повернуся сказать?! Чем это я его опозорила? Тётка Серафима, я вить с него пылинки сдувала... Всё в добры попасть хотела.

Серафима слушала-слушала, перебила:

— Ты это кому рассказывашь? Не забыла, Коля-то твой у меня почитай два года на фатёре стоял. Я чужой человек, а от него худово слова не слыживала. Давай-ка сказывай, чё подёковалось?

— Дак чё? Ничё! Вот заставляла меня нянюшка учитца... Не раз говорила, што ремесло за плечами

не таскать. А я, дура, не слушалась... Да ишло тятя подсмеивался: дескать, не всем учёными ходить. А много будешь знать, скоро состаришься. Добры-то отцы не этому учат. Нет бы сказать: мол, учёбой мозги не надсадишь. Тоже не от большово ума буровил...

— Дак я чё, не помню тебя? До чево поперёшна росла: хоть ково присоветуй—всё как от стенки горох отскакиват. В одно ухо влетело, в другó вылетело... Хватит причитать! Обсказывай, потом разбираться будем. Да не вилий! А то я тебя скрósь вижу!

Маня маленько пошмыгала носом.

— Обои виноватые, особенно он,—помолчала, потом всё же не утерпела:—Ладно у меня ума нету... А он вить учителем работат. Знат, што у самого тоже рыльце-то в пушку, нет бы повиниться... Вот куды он девался? Как скрósь землю провалился! В общем, вчерась мужики у зятя баню перекрывали, Катерина к вечеру её истопила. Сама знашь, после баньки-то хоть займи, но выпей. Выставила магарыч. Мужики напарились, а потом выпили. Дак с устатку вино хорошо в голову-то попало, давай оне собирать про рыбалку да охоту. Мы с девками ушли от них в куть. Сидим, языками мелем. А те чё-то расшумелися. Прислушались, а оне моёво Колло к стенке прижали. Мол, чё ты на неё кинулся? Девок тебе в деревне мало? Ни кожи, ни рожи, ни грамоты. Зато челяди полна изба (ясно, што обо мне речь!). Любопытство их разбирает, как мы живём. Молчи не молчи—оне разве отвязжутца? Ну, он и говорит: дескать, не знаю, как вам, а мне с бабой подфартило. Видели бы вы, как Маня своих ребят учит всему, книги им читат, одеват каждый день в чисто... Худово слова челядята от неё не слышат. Да чё там говорить? Не глядите, што в деревне родилася, а прямо настояшча ледя. А што грамоты не хватат, дак она не оstaréла, выучится ишло. Анбиции-то у ней о-го-го! Вот каково лешака я выскочила? Не знаю, чё меня пúшше задело. Слушаю и ушам своим не верю. Главное, непонятно, то ли он меня хвалил, то ли надсмехался... Тётка Сима, но-ка погляди на мою анбицию: чё, уж я така страшная? Мне дак кажетца, нисколь не хуже некоторых... Вот тебе и добрый—прославил на всю деревню, выставил дурой. И чё-то мне так обидно показалось, да ишло вино во мне заиграло—со всей дури залепила по ево-то черномазой анбиции. Он ажно побелел,—Маня опеть залилася слезами.

У Серафимы сердце зашлось:

— Вай, девка, ты не одичала ли? То-то мне казалось, што у тебя с головой не всё в порядке... А ты и вовсе с большим приветом оказалась. Парень-то вить от Христа, ты где ишло такóво найдёшь? Вся худа! У тебя откуль эта круговня-то?! А я ишло за тебя заступаюсь, всё утро Колюшку-то уговариваю... Он вить как вечóр лёг на койку, так и не подыматца. Лежит как неживой!

Маня опять залилась слезами:

— Сáмо-то главное, у нас вить с ним послезавтре юбилей, как мы сошлись. И вот тебе на!

Старуха опешила:

— У вас какой ишшо юбилей-то? Он вить толька другой год тутака...

— Ну и вот — уже будет ровно год и три месяца.

Серафима в сердцах поднялась со стула, направилась на выход, не вытерпела:

— Вот што я тебе скажу, Маня: раз такое дело, глаза бы мои на тебя не глядели! И бо́ле не пушту тебя через мою ограду ходить, бегай кругом! И по спички ребят не отправляй... Да! Ухват мой штоб счас же притащила! Вот!

— Ишшо не башше. Ты-то с чево на меня осердилась?

— Не перебивай! Уж никак я про тебя не думала... Эх ты-ы!.. Не будешь другой раз так делать. Я к тебе с простой душой, а ты эвон чё придумала... И чё только у тебя в голове? Хоть маленько шевели мозгами-то! Ты как хошь, а я умываю руки, делай как знашь...

Серафима осадила себя, потом всё же решилась: — Ну, раз уж пошёл такой разговор, всё выскажу. Подумай-ка своёй головой: тебе годов-ту сколь? Вот, скоро двадцать семь будет. А Кольца-то недавно из институту. Как к полюбовнице похаживал бы, глядишь, никто бы не дознался. А я вить толковала ему: мол, нады бы девку поберегчи. Дескать, одна маецца, а одну бабу всяк может обидеть. Сама знашь, живо скажут: без всяково стыда на парня вешатца. Нет! Ему всё по честному надо, а то не подумал, што не одну тебя на шею посадил. Это вить петля. Народ-то не дурак, ребёнка родить — это поддела, а их ишшо нады выкормить-выпить, одеть-обуть... Дитё-то не котёнок. Чё я тебе рассказываю? Сама знашь. Ну-ка, окроме тебя, ишшо пятеро челядят! Это вить только подумай! И сама без работы. Не то што зарплаты, илиментов и тех нету! Я всё стесняюсь тебя спросить: у тебя старши-то обои от Лёньки?

— Конечно, обои, оне вить двойняшки, Минька-то с Гринькой.

— Дак я всё думаю: почево ты их рожала-то? Школу пришлось бросить. Пошто ни с кем не посоветовалась-то?

— А я советовалась. Помнишь, врач-то у нас как раз приезжал? Старичок-то? Не помнишь, с плешивой-то головой? Мамка меня к нему отправила да наказала: мол, еслив строк небольшой да врач разрешенне даст, ты уж не оставляй дитё-то. Успешь ишшо нарожать. Да про здоровье, говорит, спроси, а то, не дай Бох, бездетной бы не остатца. Будешь потом локти кусать. Мне вить шешнацать с небольшим было. Об этом и с мамой-то совестно разговаривать было, а врач-то мужик! Застыдилась я...

— Вай, вся ты кругова. Разговаривать ей с мужиком совестно! А спать дак было в самый раз?!

— Как бы ни было, а я ничё не спросила. Испужалась... Думала, как скажу, он мне сразу брюхо резать будет. Ума-то не было...

— Дак как не страшно-то? Конечно, страшно... Гли-ка, я всё думала: чьи оне у тебя? Главно, двойняшки, а друг на дружку нисколь не находят. Оне тут ко мне забегали, водички да дровишек натаסקали... Посадила я их ко столу. Оне едят, а я всё приглядываюсь. Мишка как был рыженький, так и растёт. А Гришку-то не здря евреем зовут. Он в ково у вас весь чернявый выродился? Думаю, дай-ка я ево спрошу. Вай, дак до чево тодельный растёт! Ни за што не скажешь, што десять годов парню. Как большой рассуждат.

— Откуль ково берёт? Такой придумщик... Чё он тебе наболтал?

— Не бай, я все кишки надцадила над ним хохотать. Вот давай он мне всю родову вашу перебирать. Однако, до седьмого колена дошёл. Хотела остановить: мол, я не про стариков спрашиваю, мне интересно, пошто тебя евреем зовут. Сама знашь, это фулюганьё чё придумают — большой сроду не догадатца.

— Ну и чё, дошло у вас дело до прозвишша-то?

— Дак как дошло. Ты, грит, меня не перебивай. Но раз тебе подробности неинтересно слушать, то у меня по всему вышло, што по мамке я русский. А еврей — по папкиному другу. Еслив не веришь, спреси сама, у нас больше никаких евреев знакомых нету.

— Вот хлопуща растёт! Это кому незнающему расскажи — поверит.

— Он у тебя головастый растёт. Даст Бог, выучитца — начальником будет. Гли-ка, а девки-то у тебя тоже Лёнькины?

— Ну дак как, Лёнька-то к тому времю уж на девятом хребте был.

— А этих почево рожала? Кругом одна — без зарплаты, без помочи.

— Дак почево? Лешак знат почево. Тогда вить маму-то с тяттей одного за другим схоронили, одна осталася. Эти ись-пить просят. А у меня никаково ремесла в руках нету. Спасибо, вся деревня помогала. А потом стал ко мне один захаживать. Командировошный. Воды натаскат, дровишек наколет. Да мало ли чё по хозяйству сделать надо? Так и сошлись. Одно мне в нём не глянулось — шибко жадный. Уж такой скупердяй, за копейку зайца догонит.

— Ну, паря, вы партизаны! Как это вы таились, што я и то не увидала?

— Ко мне вить тогда полно народу захаживало, дай им Бох здоровья. Ребята не успели подрасти, а я опять забрюхатела. Он бытто не против был. Наладился на заработки: тут, мол, работать негде. Ну... уехал — и с гóлком. Вот тебе и заработки. Как в воду канул. Пошла я в больничку, а там врач опять новый. Я и сама уж окружала от такой жисти, да он

ишшо взялся меня страшшáть. Овс с панталыку сбил. Какэсь с приступом ко мне: рожай, и всё, докуль молодá! А то, грит, привяжетца кака-нить болёсь, останеся на бобах. Повидал, грит, я вас таких: смолоду нишшету плодить неохота, а потом плачете, дескать, Бох детей не даёт. До старости бездетность лёчите,— Маня маленько обопнулась: — Тьфу-тьфу, плюнь три раза, не моя зараза! Какэсь расклевил меня, до слёз разжалобил. Реву: мол, чё меня мамка таку несчастну родила? И так доля горька, да ишшо, тово гляди, бездетность привяжетца. Спрашиваю дохтора: мол, она откуль берётца, бездетность эта? А он грит: разно бывает, в основном наследственность. Вот, примерно, у твоей матери дети есть? И чё на меня нашло? Я грю: не знаю. А он аж подпрыгнуло: значить, и у тебя не будет. Так што давай рожай и не думай! Вот хоть верь, хоть нет, так всё и было.

Серафима согласилась:

— А вить и вправду, которы бабёнки всех врачей прошли, моляцца день и ночь, а не даёт Бох маленьково. Стало быть, судьба у тебя така́. И, главное, хоть бы по одному рожала. А чё сделаешь? Ничё не сделаешь! Это уж на роду так было написано. Маня, раз уж заговорили, дак, может, сознашься: а меньшá у тебя откуль взялась? Ветром надуло? — Знашь чё? Если врасплох меня захватила да я тебе кое-чё растрепала—это ишшо не значить, што я тебе всё расскажу. И челядят моих не задевай. Так и знай, первы двое—Лёнъкины, Сонька с Оллей—от Васьки, а Верка—лично моя. Вот и всё! Поняла?

Серафима обиделась:

— Так-то разобратца, дак оне все твои личные, ни одному папке не нужны. Столь годов одна на них тянешься.

В избу с визгом залетели девчонки, наперебой затараторили:

— Баба Сима, баба Сима! Ты така́ молодец, што зашла к нам! А мы на реке так накупались, так накупались—ажно исть отошшáли! А ты нам молочка принесла? Холодненьково? Я бы попила сичас холодненьково-то!

Серафима попеняла девкам:

— Ох, девки, девки... Мамку скоро обростёте, нет бы ей помогчи ково-нить, а вы всё скачете.

Сонька прямо остановилась:

— А вот и неправда! Меня мамочка очень хорошо воспитала. И я ей всегда с радостью помогаю. Вот, примерно, вчера она никак одна не могла доить конфетки. Не успела попросить, мы с Оллей прямо запрыгали от радости! И сразу помогли, съели все до одной!

Серафима похвалила девчонок:

— Ну, молодчины, помошницы выросли. Чё бы мамка без вас делала? Заросла бы в грязё. И конфеты бы все засохли не съедены. Будете хорошо помогать, дак мамка вам чё-нить купит на подарок. Или хоть пирогов настряпат...

— Мамочка, мы тебя всегда-всегда любить будем, и слушатца будем, и помогать. А ты нам куколок покупать будешь... Да, мамочка? И играть с нами будешь. Ладно, мамочка?

— Вай, девки, нам кто денег напáшетца на подарки-то? Дедушка Мороз вам давно ли притаскивал кукол-то? Эвон, валяютца—одна без головы, друга без рук, без ног.

Сонька выскочила вперёд, матери в глаза заглядывают:

— Мамочка, а я догадалась знашь чё? Помнишь, ты рассказывала, што мы сначала у тебя в животике жили? Прямо вдвоём, помнишь?

— Дак где ишшо? Конечно, в животике и жили.

— А ты поглядеть можешь, вдруг там случайно наши игрушки остались?

Серафима согнулась пополам, зашлась от смеху. Дохохотала до слёз.

— Вай, девки, побегáйте-ка на ўлку. Какэсь брюхо заболело, што за челядь пошла? Где ково берут?! Да босиком-то не бегáйте, холодат.

— Ладно, обуемся. Сонька, ты пошто опеть не на ту ногу сандалю-то напялила? Переодень на леву. — А ты научи меня, как узнать, что это нога не лева?

Олька покрутила пальцем у виска:

— Ты чё, совсем уже? В этом году в школу пойдём, а как ты будешь знать, в какой руке ручку держать? Смотри—видишь, на левой ноге большой палец справа! Запомнила?

Серафима кишки надцадила хохотать над девками.

— Маня, ты куды девалась?

— Да тут я, тут. В кутё сижу.

— От ково спряталась? Вай, откуль в бабе эстоль воды берётца? Ревёшь и ревёшь... надцелась со слезами. Кто опеть заспелось?

— Дак гляжу, бáшше моих челядят на свете нету...

— И чё ты тут слезами умывашься? Подумашь, взамуж её не зовут! Он вить тоже не дурак, обмозговать надо. Хоть какой мужик десять раз подумат. Кабы ты одна была... Ну-ка—взять бабу с такой бороной! Кроме тебя, ишшо пять ртов. Каки деньжишши нады зарабатывать, штоб такú семью содержать. Это вить толька в школу всех одеть—где люди таки деньжишши берут? Цены-то—страшно выговорить! А я тебе знашь чё скажу? Не торопись в сельсовет ево ташстить. Я не первый год на свете живу, всяко бывало. А на мой нонешный ум, я бы и сама не торопилась. Ты чё, думашь, мой старик шибко гладкий был, царство небёсно, не тем будь помянут? Знашь, сколь раз прибить ево охота было? Тоже другой раз доведёт—собственными руками задушила бы! А нет—нельзя! Мне же ево в сельсовете под роспись выдали. Так што не торопись расписыватца... Вот и подумай. Дак ему тоже задуматца надо, а то вить хоть кто скажет: жених-то ку-ку! Ну а так-то не замечала, Коля ребят не обижат?

— Не-е-ет! Ты чё, Колю не знашь? Оне вить, наипаче парнишки, не отходят от нево. Без отца-то худо. Смех и грех, Гришка тут привязался: пошто, грит, замуж не выходишь? Чё скажешь ребёнку? Так и сказала: мол, не берёт никто. А чё, грит, ты уже всех спрашивала? Особенно дядю Колю? Он хороший, даром што учитель. Вот завела бы нам такого папку, в школе бы все обзавидовались... То рассуждают как больши, а который раз сморозят чё-нить—хоть скрость землю провались! Недавно за ўжной сидим, Коля возьми да чмокни меня в шшоку. Мишка-то как заревёт: «Хватит обни-матца, и так уж семеро по лавкам, скоро спать негде будет».

Сима развеселилась с челядятами и забыла, что сердилась на Маню. А чё сердитца-то? Докуль никто не мешат, нады садитца да обмозговать, как дальше жить.

— Ну чё надумала? Ишь как челядь-то к Коле прилепилась! Они не к каждому привяжутца... Я тут своим-то умом знашь чё думаю? Ты не сердись, а всёж-ки грамоты тебе не хватат. Образованья. Надо как-то тебе в эту сторону глядеть. Грамотны-то знашь сколь читают?! Все новости знают, об чём ни спрости. А ты, небось, в руки не берёшь? — Меня чё со всеми равнять? Поисть нековды, не до книг.

— Ну, книги—это я верю. А хоть бы журналы или газеты. Еслив не против, дак я тебе буду «Крестьянку» давать. Интересный журнал. И картинки есть, моду всяку печатают.

— Дак я пошто не читаю-то? Газеты почитываю.

— Ну и сколь ты их читаешь?

— Дак сколь? Сколь оторву, столь и прочитаю.

— Вай, она што за девка?! Што у тебя, што у челядята—одне анекдоты на уме! Ты вить не старуха, голова-то ишшо варить должна. Ему охота, штоб ты старалася, штоб ему не стыдно было с тобой в люди вытти. Пораскинь мозгами-то. Думаешь, ему легко далось? Вся деревня издыва вышла, как он к тебе жить-то ушёл. В каждой избе только и разговору было, што ты без всяково стыда ему на шею вешалась. Профúкашь мужика... Чё мольчишь? Воды в рот набрала?

— А чё тут скажешь? Ну, останусь без ухажёра... Завью горе верёвочкой... Пускай живёт с кем хочет...

— Да... Сама-то неуж не видишь, што ему, окроме тебя, никово не нады, провалиться мне на этом месте?

Сима насторожилась, выглянула в окошко:

— Не слышишь? Бытто кто-то в сени зашёл!

Старуха подхватила, побежала открывать.

— Вай, какі к нам гости-то припожаловали!

— Баба Сима, я чумадан оставил пока, а с работы пойду—захвачу... Маня, примешь меня без чемо-дана?

Маня сперва было состроила мину, приготовилась сказать чё-нить, потом махнула рукой:

— Да хоть совсем нагишом. Ты уж прости меня, боялась сказать: мне вить после Нового года ро-жать... Вдруг опеть двойняшки будут? Семерых-то одна я не вытану. Всё сказала, а ты счас сам думай: оставаться или убегать...